

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

В.Г. ФЕДОТОВА

Аннотация

В статье рассматриваются причины, по которым победила линия включения 100-летия Октябрьской революции в научные и общественные программы России 2017 г. Приводится американская трактовка этого обстоятельства, для которой есть некоторые основания. По мнению автора статьи, в России накопились конфронтрующие оценки по многим проблемам российской истории и их интерпретации сегодня, и потому, скорее всего, осуществляется попытка поисков возможностей интеграции разнородных событий российской истории, чтобы представить ее как целостность. В статье показано, что этого нельзя сделать эмпирически без философии российской истории и без учета концептуального анализа, данного выдающимися российскими историками. Рассматривается концепция накопления черт вестернизации и модернизации российского общества, меняющиеся условия модернизаций, новый характер модернизаций в условиях глобализации. Показано, что и революции, и контрреволюции возникают там, где опаздывает модернизация.

Ключевые слова: революция, вестернизация, модернизация, модерн, Великая Октябрьская революция, российская история, философия истории, российские историки, разрывы, единство российской истории.

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН.

val_fedotova@mail.ru

Цитирование: ФЕДОТОВА В.Г. (2017) Революция и модернизация // Философские науки. 2017. № 4. С. 35–54.

Грядущее 100-летие Октябрьской революции вызвало противоречивые тенденции в российском обществе и его элитах, расколовшихся по вопросу об отношении к этому событию и его включению в научные и общественные дискуссии России 2017 г. Данный вопрос чрезвычайно интересен и важен не только для российского общества, но и для мировой общественности, поскольку именно ответ на него дает возможность понять отношение России к своему прошлому, настоящему и будущему. По многим проблемам российской истории и интерпретации ее ключевых моментов сегодня накопились противоречивые позиции, как конфронтационные, так и иногда лишь по видимости примиряющие. Прослеживается и стремление к интеграции разнородных событий российской истории, поиск возможностей представить ее как целостность, но эта задача при существующих

антагонизмах элит ни эмпирически, ни идеологически не разрешима. Она требует размышлений и исследований различных сторон жизни российского общества, участия философов российской истории, обращения к трудам выдающихся российских историков, социальных философов, социологов, политологов и многих других специалистов, широких дискуссий, а главное — шагов власти от метафор модернизации к реальной модернизации и ее проектам. В предлагаемой статье рассматриваются концепция накопления черт вестернизации и модернизации в российском обществе в ходе его развития, рост взаимодействий с Западом, меняющиеся условия модернизаций, появление национальных моделей модернизации в условиях глобализации. С опорой на философские и исторические источники нами формулируется в этой статье гипотеза о том, что и революции, и контрреволюции возникают там, где опаздывает модернизация.

Почему столетие Великой Октябрьской революции включено сегодня в повестку дня российских дискуссий?

То, что столетний юбилей Великой Октябрьской революции и предшествующей ей буржуазной революции ставится в центр сегодняшних дискуссий, оказалось в некоторой мере неожиданным, поскольку Россия отказалась от идей социализма. Великая Октябрьская революция в большей мере представляется разрывом с дореволюционным прошлым, чем его продолжением, хотя альтернативная точка зрения тоже существует. Мнение о имевшемся в России совсем недавно стремлении избежать празднования революции подтверждает недавний номер американского журнала «Foreign Policy»: «В 2016 г. один высокопоставленный российский руководитель объяснил группе приехавших в Россию иностранцев, почему правительство решило не праздновать 100-летнюю годовщину большевистской революции. Да, это был переломный момент в российской истории, сказал он; да, президент Владимир Путин считает сегодняшнюю Россию преемницей царей и большевиков. Но празднование юбилея революции подаст неверный сигнал обществу. Иностранным гостям было сказано, что Кремль сегодня настроен решительно против “смен режима” и не хочет превозносить 1917 год. Он намерен использовать столетнюю годовщину для того, чтобы привлечь внимание к катастрофическим последствиям революции как средства разрешения социальных и политических проблем. Меньше всего российскому правительству хочется, чтобы 2017 год принес с собой не столетнюю годовщину революции, а новую революцию, т.е. радикальную смену режима, которая сегодня происходит в США в результате победы Дональда Трампа на выборах. Именно революционный успех Трампа захватывает воображение и вызывает страх у сегодняшней российской

элиты» [Krastev, Holmes 2017]. Последнее мне кажется сомнительным. Российская элита скорее воодушевилась избранием Трампа или все еще надеется на его реализм, и преимущественно радикальные либералы в России и в США противостоят этому.

Действительно, то, что Октябрьская революция сегодня оказалась в центре российских интересов, стало несколько неожиданным. Вышедшие первые номера ряда отечественных журналов посвящены именно этому. Журнал «Полис» в последнем номере за 2016 г. опубликовал рецензию И.А. Ерохова «Революция, которая никогда не повторится» на книгу И.К. Пантина «Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика» [Пантин 2015], а в первом номере 2017 г. опубликованы три статьи о революции. Институт философии обратился к теме «Революция и эволюция» как к центральной. «Соис» также проявил интерес к проблеме революции. Нелегко ответить на вопрос, почему юбилей Великой Октябрьской социалистической революции, вызывающий конфликтное восприятие – как всемирно-исторически значимого события, избавившего Россию от трудноосуществимого пути догоняющей Запад модернизации и давшего простор национальной модернизации страны (для одних) и как события, уведшего Россию с магистрального пути буржуазно-демократических преобразований (для других) – все же поставлен на центральное место сегодняшних дискуссий. Выросший в нашем обществе интерес к российской истории представлен множеством феноменов, отраженных в публицистике, литературе, большом количестве новых фильмов, где играют хорошие актеры, с историями царей, борьбы за трон, за курс российской истории, за формирование страны и ее независимость. Не только Великая Октябрьская революция, но и множество других событий российской истории, представленных в публичном российском пространстве последних лет, не выступают как подчеркивающие единство российской истории. Однако концентрация внимания на столетии Великой Октябрьской социалистической революции в совокупности с небывало многообразной сегодня интерпретацией образов различных этапов российской истории, на мой взгляд, не имеет цели ни развенчать эти события, ни их восславить. Надежды возлагаются на то, чтобы придать событийному ряду российской истории целостный и взаимосвязанный вид, подчеркивающий ее принципы и смысловую общность, историю нравов и национального характера, общие духовные и психологические черты, о которых так много писали выдающиеся российские историки – Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др., зарубежные или жившие за рубежом авторы – Дж.Х. Биллингтон, Н.В. Рязановский и др. И все-таки сегодняшние идеологические противоречия по поводу целостности и смысла российской истории заполняются раз-

личными интерпретациями исторических событий, многообразно и плохо выполняющими, если следовать нашим предположениям о том, какие задачи сегодня ставятся, задачу нахождения смысла российской истории. Мы — свидетели недоумений и скандалов, связанных с трактовками отдельных эпох и эпизодов, публичной защитой и публичным же негодованием по отношению к ряду произведений, новых монументов, фильмов, интерпретаций. Западные авторы, имеющие ключевой интерес к специфике нашего характера и его становления, придают особое значение Православию и религиозной толерантности народов России, формированию ключевых качеств русского характера, включающего антагонизмы полюсов, обозначенных как в западной, так и в российской литературе, в том числе философской — «Икона и топор» американца Дж.Х. Биллингтона, «Святое и звериное» русского философа А.С. Аскольдова. Многие исследователи не готовы согласиться с возможностью представить нашу историю целостно, связать эпохи, выявить национальный характер и этапы его формирования, поскольку мы еще в процессе своего развития. Так, например, американец Р. Сервис, бывший журналистом в России, рассматривает российскую историю как лишенную целостности и являющуюся по сути суммой многочисленных и не связанных между собой событий [Service 2006]. Объективно рассмотренная, российская история, как и история любой другой страны, имеющей тысячелетний опыт, обладает не только целостностью, но и противоречивостью, трагическими разрывами, изменениями географического пространства и символов веры. Но концептуализация истории способна сформировать философию российской истории, которая объяснит не столько прошлое, сколько настоящее и будущее.

Немецкий историк А. Ассман считает характерным и для исторической науки на сегодняшнем этапе развития, что ее больше волнует не прошлое и настоящее, а будущее и то, как в свете него могут предстать настоящее и прошлое. Виртуальный мир, или мир воображаемого действия не содержит всех ценностей мира реального — ни ценности жизни, ни ценности мирной жизни, ни ценности позитивной перспективы будущего, ни ценностей и уроков прошлого. Есть довольно сложные научные работы по философии науки, по философии истории, в которых даже утверждается, что раньше все шло от прошлого к будущему, а сегодня не только прошлое влияет на будущее, но и будущее влияет на прошлое. Упрощенно можно сказать, что то, чего мы хотим от будущего или к чему оно становится направленным, перестраивает и наше прошлое — сохраняет или обесценивает, помогает понимать или выворачивает наизнанку [Ассман 2017].

Таким образом, на мой взгляд, тема революций 1917 г., не вписывающаяся в новый буржуазный ход российской истории, не могла

быть проигнорирована и оказалась вплетена в попытку целостного видения российской истории, запрос на которую в сегодняшней жизни довольно очевиден. По поводу Великой Октябрьской революции можно сказать, что как эмпирический опыт, по существу отвергнутый в посткоммунистический период, ее включение в рассмотрение в качестве главного события года чрезвычайно важно. Если вспомнить книги о людях, мечтавших о революции и делавших ее, реанимировать ожидания общества, мечтавшего о революции, даже тех, кто был объективно не заинтересован в ней (что раскрыто многими писателями, например, М.А. Алдановым), станет ясно, что наши революции не столь объективно закономерны, как трактуют их теоретики революций, а являются отражением нашего характера. Революционный невроз, который был присущ и французам в их революциях, часто бывает силен в обществе. В нем отмечаются инстинкты толпы, преследователи и преследуемые, революционный вандализм, экстравагантные моды, фанатизм языка, роль революционной литературы [Фуллье, Кабанес, Насс 1998, 253–568].

Из представлений об архаике, традиции и инновации возникает острая полемика по поводу соотношения доисторического (неисторического), исторического (традиционного) и инновационного (современного). Западники считали Россию до Петра не исторической, азиатской. Славянофилы готовы были увидеть историческую Россию даже в древней архаике, не говоря уже о традициях ее более позднего развития, пытаясь найти русскую идею, и презирали время Петра за разрыв с нравственными основами прошлого.

Периодизации российской истории, из которых нельзя изъять ни модернизацию, ни модерн, ни революцию

Среди периодизаций, предложенных выдающимися русскими историками [Федотова 2009], обращает на себя внимание концепция С.Ф. Платонова, который на основе «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, выделяет такие этапы российской истории как древний (от появления славянских племен до Ивана III), средний этап, следующий за ним (от Ивана III до Петра Великого), и новый этап (от Петра Великого до начала XIX в.) [Карамзин 2009, 457]. Как отмечает Платонов, «Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс — создание национального государственного могущества. К этому могуществу привел Русь ряд талантливых деятелей, из которых два главных — Иван III и Петр Великий — своей деятельностью ознаменовали переходные моменты в нашей истории и стали на рубежах ее основных эпох — древней (до Ивана III), средней (до Петра Великого) и новой (до начала XIX в.)» [Платонов 2008, 19].

Другой выдающийся историк — В.О. Ключевский берет за основу периодизации русской истории главные моменты колонизации. Именно они, по его мнению, ставили «русское население в своеобразное отношение к стране, изменявшееся в течение веков и своим изменением вызывавшее смену форм общежития» [Ключевский 2009, 19]. Соответственно этому он выделяет четыре периода российской истории. Первый период протекает с древнейших времен до начала XIII в. — Русь Днепровская, городовая (имеющая города. — В. Ф.). Господствующий политический факт здесь — политическое дробление под главенством городов. Ведущий экономический факт — внешняя торговля и необходимые для нее лесные промыслы. Второй период — с середины XIII до середины XV в. — Русь Верхневолжская удельно-княжеская, вольно земледельческая. Политическое раздробление как главный политический факт происходит здесь не между городами, а между княжескими уделами. Главный экономический факт — земледелие на суглинистых почвах — осуществляется вольными крестьянами. Третий период — с середины XV в. до второй половины XVII — Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-земледельческая. Отличается географическим расширением и политическим объединением вокруг Москвы. В сельском хозяйстве — продолжение земледелия на Верхневолжском суглинке, а также на черноземах во вновь приобретенных территориях вокруг Дона и на среднерусской равнине. Четвертый период — с середины XVII до середины XIX в. — Всероссийская империя, императорско-дворянский период, крепостное хозяйство, земледелие и фабрично-заводское производство. Расширение территории до Балтийского, Белого, Черного морей, Каспия, Кавказа и Закавказья, присоединение Малороссии, Белороссии, Новороссии. Бояре вытесняются военно-служилым классом — дворянством, порабащающим крестьян.

Очень важно то, какое значение В.О. Ключевский придавал последнему, IV периоду русской истории. Пропустив время самозванцев как переходное между двумя последними периодами, историк отмечает, что четвертый период он исчисляет с XVII в. до середины XIX в., до начала царствования Александра II. «Этот период, — пишет Ключевский, — представляет особый интерес. Это не просто исторический период, а целая цепь эпох (ниже мы характеризуем их по модернизационному критерию. — В. Ф.), сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни... Это, повторю, не один из периодов нашей истории: это — наша *новая история*» [Ключевский 2009, 508]. Историк говорит, что здесь мы начинаем узнавать самих себя, видеть свою собственную автобиографию. Сегодня, на мой взгляд, мы начинаем ее видеть с начала XIX в., о чем речь пойдет ниже.

Обе периодизации по вполне понятным причинам не завершаются у этих историков сегодняшним временем. История *государства* Российского очевидным образом начинается у Карамзина с Петра как история *новая, современная*. У Ключевского же она есть история *не только государства, но народа*, и *новой* эта история становится примерно в тот же период, связанный с Петровскими реформами, несмотря на то, что Ключевский в значительной мере их критик.

Избрав за критерий периодизации не рост могущества государства и не расселение народа, а способность к модернизации, я модифицирую периодизации Платонова и Ключевского следующим образом.

Древний период — от образования славянских племен до Василия Темного.

Средний период — от Ивана III (конец XV в.), Ивана Грозного (вторая половина XVI в.), Алексея Михайловича (вторая половина XVII в.), Петра I (начало XVIII в.), до Елизаветы (середина XVIII в.) и Екатерины II включительно (конец XVIII в.).

Новый период — XIX в. от Александра I (начало XIX в.), Николая I (середина XIX в.) до Александра II (конец XIX в.).

Новейший период делится мною на две части.

Новейший период — XX в. Николай II (первая треть XX в.), большевики и коммунизм (последние две трети XX в.), антикоммунистическая революция (конец XX в.).

Новейший период — начало XXI в. Посткоммунистическое развитие, переход в России к капитализму.

Каждому из названных периодов поставлен в соответствие тип развития, связанный с преобладанием либо архаики, либо традиции, либо инновации.

Древний период VIII–XIV вв. рассматривался рядом русских историков как период родового (С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин) или общинного быта (К.С. Аксаков). Развитие последнего вело к государственному быту. Эта эпоха характеризовалась господством *архаики* и несформированными традициями. Разложение родового быта совершалось путем перехода к семье.

Средний период XV–XVIII вв., с нашей точки зрения, начинается с Ивана III и завершается правлением Екатерины II. Петр Великий — его кульминация. Принадлежность к общему срединному периоду российской истории деятелей русской истории от Ивана III до Алексея Михайловича и Петра Первого связана *не с архаикой, а с русской традицией*. Но при этом даже те, кто обращает внимание на инновации, которые они произвели, не отрицают *основополагающей значимости традиции* для той эпохи. Ни С.М. Соловьев, ни Н.И. Костомаров не приписывают Ивану III особых личных заслуг, которые обусловили его достижения. Н.М. Карамзин же считает его реформатором, пре-

восходящим Петра Великого ненасильственностью действий. Иван III объединил Русь в Московское великорусское государство. Во многом благодаря браку с Софьей Палеолог он развил отношения с Западом. Возвеличил свою роль в стране до царской. Подготовил Судебник, дававший правила судопроизводства. При нем Русь обрела независимость от монгольского ига. По мнению Карамзина, «отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической» [Карамзин 2009, 457]. С Карамзина же начинается трактовка нашей истории как *истории государства Российского*, понимаемой так от правления Алексея Михайловича до Екатерины II.

Казанские походы Ивана Грозного и его внутренняя реформа 1550–1564 гг., улучшение Судебника, опора на выборных людей в судах в финансовом управлении, реформа местного самоуправления означала начало смены класса, на который опирался царь. Она приняла кровавые формы: «...опричнина получила значение политического убежища, куда хотел укрыться царь от своего крамольного боярства» [Ключевский 2009, 357]. Стеснявшему Ивана Грозного правительственному классу — *боярству* — царь искал замену в опричнине, в которой видел прообраз будущего *дворянства*, пытаясь найти альтернативу в идее служилых людей.

Князь Яков Долгорукий говорил Петру Первому, что отец его Алексей Михайлович в ряде вопросов сделал больше, чем сам Петр [Платонов 2008, 428–429]. Алексеем Михайловичем был создан Кодекс, который формировали выборные люди из 130 городов. Этот Кодекс, по словам С.Ф. Платонова, был «победой средних классов на соборе 1648 года» [Платонов 2008, 434]. Алексей Михайлович произвел серьезные общественные преобразования, сочетая стремление к заимствованию образцов с Запада, например, в образовании с сохранением самобытности. Это не избавило его правление от столкновения национально-консервативных охранительных сил с прозападными, еще не сформировавшимися в устойчивые группы. И позже не вполне еще оформившиеся западники считали, «что если бы в период культурного брожения в Московском государстве середины XVII в. московское общество имело такого вождя, каким был Петр Великий, то культурная реформа могла бы совершиться раньше, чем это произошло на самом деле. Но таким вождем царь Алексей быть не мог» [Платонов 2008, 487, 488]. Ни по характеру своему, — считает Платонов, — ни по времени своему, — полагают многие другие.

Важным вопросом имеющих периодизаций российской истории, и в особенности предлагаемой мною, стало отношение к Петру Великому. Правление Петра исключительно значимо для попытки построить периодизацию русской истории, связанную с модернизацией. Для одних он стал выдающимся модернизатором, отделившим *новую, современную* Россию от *древней (архаической)* или *серединной (традиционной)*, особенно от России Московского царства Ивана III, рассматриваемого славянофилами XIX в. как образец исконных русских традиций. Определенность в истолковании «подлинно русских традиций» была полностью потеряна в псевдославянофильских исканиях конца XX в. после слома коммунизма. Никакая историческая эпоха не была представлена как ее носитель. Императорский период XX в., на который иногда намекали современные славянофилы как на состояние наиболее близкое исконно русскому, был на деле периодом капитализма, войн, революций, глубинных трансформаций и модернизаций, а, следовательно, никак не представлял национальную традицию в ее устойчивых формах, близких к архетипу и архаике. Но, как отмечал Платонов, и прежнее славянофильство «оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий» [Платонов 2008, 31].

Петра Первого при этом возвеличивают очень многие — ранний Н.М. Карамзин и особенно С.М. Соловьев. Первый, однако, постепенно понимает высокую цену его преобразований и считает, что им стоило бы быть более медленными и более продуманными. Второй же сообщает, что реформы Петра не проросли всю толщу общества, ибо нравы народа указами не изменишь. Вопрос о том, с Петра ли началась российская *современность* (modernity), в отличие от прошлого, получает у этих авторов противоречивый ответ. Такой критерий реформы, как ее *значимость для общества в целом, для населения страны* Ключевский считал основополагающим. И уж если страстный поклонник Петра С.М. Соловьев указывает, что его реформы не проросли общество, то Ключевский оценивает его деятельность без всяких прикрас, несмотря на отмеченный выше факт похвалы: «...как Петр стал преобразователем?.. Петр Великий и его реформы — наше привычное стереотипное выражение. Звание преобразователя стало его прозвищем, исторической характеристикой. Мы склонны думать, что Петр I и родился с мыслью о реформе, считал ее своим providенциальным призванием, своим историческим назначением. Между тем у самого Петра долго не заметно такого взгляда на себя. Его не воспитали в мысли, что ему предстоит править государством, никуда не годным, подлежащим полному преобразованию (Алексей Михайлович умер, когда Петру было четыре года и ничему его не успел научить. — В. Ф.)... Он вырос с мыслью, что он царь, и притом

гонимый, и что ему не видеть власти, даже не жить, пока у власти его сестра со своими Милославскими... все, что он делал, он как будто считал своим текущим, очередным делом, а не реформой... Только разве в последнее десятилетие своей 53-летней жизни... у него начинается высказываться сознание, что он сделал кое-что новое и даже очень немало нового. Но такой взгляд является у него, так сказать, задним числом, как итог сделанного, а не как цель деятельности» [Платонов 2008, 880]. Отдельные мероприятия Петра, нередко задуманные между походами, не сложились в ясную модель развития и не устранили, а усугубили то, что Ю.А. Пивоваров и А.И. Фурсов называли «русской системой» — системой «власть — народ» без посредствующих их отношений общественных звеньев.

Сходно мыслит и С.Ф. Платонов: «Так рядом с борьбой семейной, политической и церковной в конце XVII в. разрешился вопрос о форме воздействия на Москву западноевропейской культуры. Разрешили его те влияния, под которыми Петр находился в годы отрочества и юности» [Платонов 2008, 552], т.е. военные забавы, интерес к кораблям, к мастерству, к технике. При всей чрезвычайной инновативности, Петр унаследовал и укрепил властную систему абсолютистского государства, решая задачу защитить Россию от возможной колонизации со стороны Запада, неожиданно ставшего чрезвычайно сильным в ходе собственной модернизации. Эпоха Петра характеризовалась традициями, традиционным обществом, но было заметно появление инноваций, модернизации как обновления, создания новых институтов, заимствования технологий Запада, вестернизации, принадлежность эпохи к истории как важному признаку модернизации.

Ответить на вызов Запада Россия могла, достигнув мощи, которая не позволила бы Западу сделать ее колонией [Уткин 1997], а впоследствии осуществить поворот к Европе со стремлением к духовному и материальному развитию по западному образцу (христианство, светская культура, промышленность). Вызов со стороны Запада (со стороны Польши и Швеции) Россия испытала в XVII в.: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие Шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий. Эта небывалая революция раздвинула границы западного мира от восточных границ Польши и Швеции до границ маньчжурской империи. Таким образом, форпосты западного мира утратили свое значение в результате контрудара, искусно нанесенного западному миру Петром Великим, всколыхнувшим нечеловеческим усилием всю Россию» [Тойнби 1990, 147–148]. Тойнби тем самым по-

казывает, какие реальные военные угрозы пытался предотвратить Петр, обратившись на Запад за новыми вооружениями и техникой. Выдвижение Запада как более развитого и сильно изменившего свой менталитет в результате модернизации образования оказало на мир огромное влияние. С его появлением история превратилась во всемирную. С возникновением современного, вступившего в Новое время Запада очевидные различия незападных стран оказались в значительной мере стерты их общими отличиями от стран Запада.

Новый период наступает в XIX в.

Война с Наполеоном, а затем союз с ним сделали Александра I важной фигурой европейской политики, а Россию европейской державой с международными обязательствами. Отечественная война 1812 г. вновь столкнула Александра с Наполеоном, включила его в коалицию западных держав, борющуюся с ним. Русские увидели Париж. Мост Александра III в Париже, построенный в последние годы XIX в. озаменовал франко-русский союз, такой же мост был сооружен в Петербурге. Жизнь пополнилось теперь повседневным западничеством разговоров аристократии на французском, светскими беседами дворян, постепенно становящихся еще с XVIII в. не военно-служилым, а праздным классом с интересом к Франции и ее идеям. Но праздность дворян и их повседневное псевдозападничество, ставшее одной из причин российского революционаризма из-за следования моде, было почти смехотворным (Эти карикатурные превращения мы видим и в посткоммунистической России). По словам В.О. Ключевского, «положение этого класса в обществе покоилось на политической несправедливости и венчалось общественным бездельем; с рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к француз-гувернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных... С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, — все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела, ибо... ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы... чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза» [Ключевский 2009, 1099].

Стремление Александра I к быстрым реформам по проекту М.М. Сперанского было приостановлено запиской Н.М. Карамзина

«О древней и новой России» (историки в ту пору советовали государям). Карамзин предупреждал против механической пересадки в Россию нового опыта, подрывавшего дворянство, а вместе с этим самодержавие и Россию. Неохотно согласившись с ним, Александр I приостановил реформу, а в конце своего правления перешел на консервативные позиции перед угрозой растущего революционного движения. Царю, как и этому движению присуща до сих пор постоянно возобновляющаяся в России вера, что все дело в правлении, и прочие черты общества немедленно исправятся изменением политики.

Николай I убедился в том, что революционное движение, развившееся в стране при Александре I, направлено не против отдельных правителей, а против основ российского правления, против порядка, основанного на крепостничестве. Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. показало ему, что сословие, достигшее исключительных сословных льгот, теперь хочет политических прав.

Цели XIX в. в России объективно состояли в достижении равенства сословий и их участия в жизни общества. Но выступление декабристов историки сравнивают с гвардейскими переворотами, направленными на захват трона. На деле они подрывали сословное преимущество своего класса и дали дорогу буржуазии. Это был, несомненно, модернизационный сдвиг.

Александр I и Николай I столкнулись с острой необходимостью общественного переустройства, на которое решился Александр II. Вопрос об освобождении крестьян, о всесословности и совместном действии прежде разделенных сословий был им решен. Освобождение крестьян и введение земств было способом решения проблемы. Отмечая выдающиеся заслуги императора, Ключевский указывает и на третью задачу, которая была им разрешена: «...напитавшийся чужими идеями и нравственными побуждениями с XVIII века русский ум оказался оторванным от русской действительности. В XVIII веке этот ум смирялся с противоположностью идей и действительности. В начале XIX столетия этот ум осознал, что надо первый привести к согласию идеи и реальности, но не нашел способов решить проблему. Ни славянофилы, ни западники не нашли подходов к решению вопроса о соотношении идей и действительности. Но со временем этих великих реформ (Александра II. — *В. Ф.*) русский ум становится в другое отношение к окружающей действительности, в то, в каком мы стоим теперь. *Русская жизнь стала передвигаться на основании, общем с теми началами, на которых держится жизнь западноевропейских обществ*» [Ключевский 2009, 1179] (курсив наш. — *В. Ф.*) Но, предупреждает историк, при том надо действовать своим умом, прилагая западные идеи к другой реальности, а не навязывать ей заученные клише.

Еще лучше сказал С. Платонов: «В условиях рождения этих все-сословных учреждений 1860-х годов кроется начало нашей *современности* (курсив наш. — В. Ф.), то есть тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность, занятая мучительными поисками новых форм общежития, которые привели бы Россию к гражданской правде и социальному счастью» [Платонов 2008, 860]. С Александра II Запад становится для России образцом развития, идея приблизиться к нему — догоняющая модель модернизации, индустриализация, капитализм — целями, которые надо осуществить.

В XX в. Россия вступила с этими заветами, о чем свидетельствовала политика С.Ю. Витте, быстрый рост капитализма и индустриализации. Но поражение в русско-японской войне, неудачи Первой русской революции, ошибочное вступление в Первую мировую войну, новая неудача Второй буржуазной революции привели к революции социалистической как обходному пути индустриализации и догоняющей модернизации, снова с применением насилия, но со старыми целями поднять и защитить страну, с новой ориентацией на передовое на Западе, но с учетом собственных возможностей.

Я много писала о догоняющей модели модернизации, о ее реализации в России, в том числе и России коммунистической [Федотова 1997, 50 — 63, 101 — 109], [Федотова 2002]. Индустриализм осуществился в двух формах — капиталистической и социалистической. Коммунизм дал вариант догоняющего развития: инновация, догоняющая модернизация, ориентирующая на переход к современности.

Конец XX в., давший России демодернизацию под флагом модернизации в 1990-е гг., повторил неудачи двух прежних буржуазных революций. Глобализация как новый мегатренд, уводящий модернизацию на региональный уровень, потеря Западом статуса образца развития, многообразие моделей модернизации, решающих собственные задачи многих незападных стран на определенном уровне вестернизации, ввели новое понятие — национальные модели модернизации. Россия, Китай и другие незападные страны движутся сегодня в этом русле. Наступило новое Новое время для незападных стран [Федотова, Колпаков, Федотова 2008, 536—566].

Вестернизация и модернизация как революции

С большим недовольством западные интеллектуалы встретили статью и книгу со сходными названиями: статья «Мировая революция вестернизации» и книга: «Мировая революция вестернизации. Двадцатый век в глобальной перспективе» [Von Laue 1987, 263—279] американца немецкого происхождения Т. фон Лауэ. После того, как сформировался современный Запад, отличный от остального человечества, поляризация между ним и остальным миром стала

источником многообразных реакций на мировую, как считает фон Лауэ, революцию — вестернизацию. К числу этих реакций он относит Первую и Вторую мировые войны, коммунизм, сталинизм, маоизм, фашизм, антиколониализм.

Рассматривая выше процесс изменения российского развития, мы попытались показать, как вестернизация и модернизация меняли сущность отдельных этапов российской истории, преобразуя их автохтонность в общезначимость, инновации, всемирность. Фон Лауэ показывает в своих работах, что Россия и Германия отставали от других регионов в освоении западного опыта, и именно это, в конечном итоге, толкнуло их на выбор собственных путей развития — коммунизма в России и фашизма в Германии. На Западе столь академическое рассмотрение Т. Лауэ этих состояний общества было воспринято негативно — как идеологическое предательство, род оправдания и коммунизма, и фашизма, ищущих собственные пути догнать Запад. Многие не простили Лауэ попытки беспристрастного рассмотрения причин формирования фашизма, что можно понять, вспоминая его огромные жертвы.

Соглашаясь в целом с тем, что вестернизация и модернизация стали чертами мировой революции, преобразования мира, вернемся к вопросу о социально-политических революциях, об Октябрьской революции, с обсуждения которой мы начали статью, об их роли в продолжении модернизации обществ и в формировании мирового порядка.

Сегодня о революции написано множество книг, дающих представление о различиях ее восприятия; см., например: [Арендт 2011; Бляхер, Межуев, Павлов (ред.) 2003; Логос 2012; Токвиль 1997; Мережковский, Гиппиус, Философов 1999]. Мысль о том, что современность является революцией, высказывал К.С. Пигров: «...поскольку мы говорим о современности, то мы имеем в виду определенный синдром инноваций... революционный процесс, а точнее — революционный эксцесс» [Пигров 2011, 56–82], Рассмотрению проблем революции посвятили свои исследования Фрайер, Фитцпатрик и др. [Фрайер 2009], [Fitzpatrick 2009].

По мнению И.К. Пантина, «мы можем утверждать, что объективные условия, международные (мировая война) и российские, придали в 1917 г. задаче пролетарской революции исторически конкретный характер, сделали ее не только возможной, но и необходимой» [Пантин 2015, 242]. И.К. Пантин определенно считает, что Великая Октябрьская революция была конструктивным способом выйти на новый уровень развития, отвечающий сущности мировых процессов и дающий России национальную возможность сохранить и модернизировать себя.

Е.Г. Плимак показывает, что у Великой Октябрьской революции были шансы на относительно мирное протекание, которого хотел и В.И. Ленин в условиях фактического двоевластия — Временного буржуазного правительства и Советов. Но реализовать это не удалось [Плимак 1983].

Б.Ю. Кагарлицкий отказывается видеть в Великой Октябрьской революции злонамеренный переворот, считая оправданными притязания на революцию [Кагарлицкий 2013].

В серии американских книг под рубрикой «Очень краткое введение» о Великой Октябрьской революции говорится следующее: «Эта революция оказалась событием, вызвавшим наибольшее количество последствий на протяжении всего XX века, вдохновившим коммунистические движения и революции по всему миру, особенно в Китае, провоцируя реакцию в форме фашизма, и после 1945 года оказавшей глубокое влияние на многие антиколониальные движения и определившей архитектуру международных отношений холодной войны. Коллапс автократии (приведшей к революции. — *В. Ф.*) был укоренен в кризисе модернизации... началось осуществление модернизации, с сохранением жесткого контроля над обществом, но влияние индустриализации, урбанизации, внутренней миграции и возникновение новых социальных классов вызвали движение сил, которые разрушили значение авторитарного государства (царской России. — *В. Ф.*)» [Smith 2002, 1–6].

Дж. Голдстоун, известный специалист по революции, так определяет ее: «Это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [Голдстоун 2015, 15]. Он убедительно показывает чрезвычайное недовольство основных слоев общества, поднявшихся против существующей власти.

Ш. Эйзенштадт считает Октябрьскую революцию нарушением преемственности: «В России имело место чрезвычайное нарушение преемственности в плане перестройки социополитического порядка, изменения символической и политической легитимности режима и изменения структуры социальной иерархии» [Эйзенштадт 2009, 280–282]. Он утверждает, что Россия полностью порвала с прошлым и его социальным порядком. Поскольку он рассматривает революцию на фоне сравнительного изучения цивилизаций, Россия представляется ему периферией, имеющей огромный разрыв между элитами и народом. Октябрьская революция им почти не рассматривается. Эйзенштадт — один из наиболее уважаемых мной ученых, но его холодность в отношении людей той эпохи задела меня. В отличие от него, вот что пишет Дж. Голдстоун: «В международный женский день...

1917 г. тысячи женщин вышли на улицы, протестуя против дефицита хлеба в столице. На следующей неделе к ним присоединились сотни тысяч рабочих и студентов... солдаты принялись стрелять в толпу... на сторону... нападавших на полицейские участки и царских чиновников... перешло несколько армейских подразделений... Дума убедила окружение царя, что только отречение Николая II восстановит порядок» [Голдстоун 2015, 108].

Можно привести множество историй революции, в которых эксцессы революции, производимый слом старых структур нередко не только не освобождали пути для одобряемой народом модернизации, но делали ее насильственной, доводили до демодернизации, анархии и хаоса. Обличителем таких «срывов» выступает П. Сорокин, прежде мечтавший о революции. П. Сорокин показал, что общество и он сам жили ожиданиями революции, но первая встреча с ней потрясла его варварством, прозой и пошлостью жизни [Сорокин 1991, 82]. В своей книге «Социология революций» он уделил большое внимание тому, как революция меняет поведение людей и деформирует его, увеличивает смертность, растрчивает иллюзии людей. Сравнение того, что написано о революции людьми, не пережившими ее, и теми, кто ее пережил, показывает разительные различия. П. Сорокин ждал революции, но был потрясен ее несоответствием своим ожиданиям. Он увидел амбивалентный характер любой революции — благородные цели и героическое стремление к ним, противоположные ожидаемым результаты, достигаемые дорогой ценой, несвершившиеся замыслы революции, последующую переделку целей, не делающую революцию непременно благом. П. Сорокин оценивает революцию следующим образом: «В своем полном развитии все великие революции, похоже, проходят три типические фазы. Первая из них — короткая — отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает каждая революция... Короткая увертюра обычно сменяется второй, деструктивной фазой. Великая революция теперь превращается в яростный вихрь, сметающий на своем пути все без разбора. Он безжалостно разрушает не только отжившие институты общества, но и вполне жизнеспособные, заодно с первыми, уничтожает не только исчерпавшую себя элиту, стоявшую у власти при старом режиме, но и множество людей и социальных групп, способных к созидательной работе... революция постепенно вступает в третью фазу своего развития — конструктивную фазу. Уничтожив все контрреволюционные силы, она начинает строить новый социальный и культурный порядок и новую систему личностных ценностей. Этот порядок создается на основе не только новых, революционных идеалов, но и включает восстановленные, наиболее жизнеспособные дореволюционные общественные институты, ценности, образы жиз-

ни, временно порушенные на второй стадии революции» [Сорокин 2008].

Амбивалентный характер революций, их огромные жертвы сочетаются с великими историческими сдвигами. Высокая цена революций заставляет задуматься о том, что они наступили потому, что не произошли своевременно необходимые модернизации или они превратились в риторические фигуры, накапливая проблемы, за решение которых взялась революция. России по существу потребовалась революция, чтобы, сломав старый порядок в 1917 г., создать новое общество ради решения тех задач, которые не решались Российской империей и разрушить его в 1990-е новой революцией в надежде на демократическое обновление из-за сведения всех проблем к политическим. Провозглашение модернизационного проекта должно было уменьшить раскол общества, однако слова «модернизация», а теперь и «проект» часто употребляются как фигуры речи, но мы не часто знаем, что за ними стоит.

Сказанное в этой статье, мне кажется, подтверждает высказанную в ее начале гипотезу, что революции возникают там, где опаздывают модернизации.

ИСТОЧНИКИ

- Арендт 2011 – *Арендт Х.* О революции. – М.: Европа, 2011. 464 с.
- Ассман 2017 – *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна / пер. с нем. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Бляхер, Межуев, Павлов (ред.) 2003 – Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2003. 355 с.
- Голдстоун 2015 – *Голдстоун Дж.* Революции. Очень краткое введение. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. 189 с.
- Кагарлицкий 2013 – *Кагарлицкий Б.Ю.* Неолиберализм и революция. – СПб.: Полиграф, 2013. 256 с.
- Карамзин 2009 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М.: Эксмо, 2009. 1170 с.
- Ключевский 2009 – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-Книга, 2009. 1197 с.
- Логос 2012 – подборка статей в журнале «Логос». 2012. № 2 (86). С. 38–159.
- Мережковский, Гиппиус, Filosoфoв 1999 – *Мережковский Д., Гиппиус З., Filosoфoв Д.* Царь и революция. – М.: ОГИ. 1999. 222 с.
- Пантин 2015 – *Пантин И.К.* Русская революция. Идеи. Идеология. Политическая практика. – М: Летний сад, 2015. 296 с.
- Пигров 2011 – *Пигров К.С.* Современность как революция // Революция и современность. – СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2011. С. 56–82.

Платонов 2008 – *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. – М.: АСТ, 2008. 864 с.

Плимак 1983 – *Плимак Е.Г.* Революционный процесс и революционное сознание. – М.: Политиздат, 1983. 240 с.

Сорокин 1991 – *Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиографический роман. – Сыктывкар: Шипос, 1991. 304 с.

Сорокин 2008 – *Сорокин П.А.* Социология революции. – М.: АСТРЕЛЬ, 2008. 784 с.

Тойнби 1990 – *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Токвиль 1997 – *Токвиль А.* Старый порядок и революция. – М.: Московский философский фонд, 1997. 254 с.

Уткин 1996 – *Уткин А.И.* Вызов Запада и ответ России. – М.: Магистр, 1996. 392 с.

Федотова 1997 – *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФ РАН, 1997.

Федотова 2002 – *Федотова В.Г.* Россия в глобальном и внутреннем мире // Модернизация и глобализация. Образы России в XXI веке. – М.: ИФ РАН, 2002. 208 с.

Федотова, Колпаков, Федотова 2008 – *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Г.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М.: Культурная революция, 2008. 608 с.

Фрайер 2009 – *Фрайер Х.* Революция справа. – М.: Праксис, 2009. 144 с.

Фуллье, Кабанес, Насс 1998 – Фуллье А., Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз. – М.: Институт психологии РАН; КСП+, 1998. 576 с.

Эйзенштадт 1999 – *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. – М.: Агент Пресс, 1999. 416 с.

Fitzpatrick 2009 – *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. – N. Y.: Oxford University Press. 2009. 358 p.

Krastev, Holmes 2017 – *Krastev I., Holmes S.* The Kremlin Is Starting to Worry About Trump // Foreign Policy. 2017. – URL: <http://foreignpolicy.com/2017/02/13/the-kremlin-is-starting-to-worry-about-trump/>

Service 2006 – *Service R.* Experiment with a People. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. 436 p.

Smith 2002 – *Smith S.A.* The Russian Revolution. A Very Short Introduction. – N. Y., Oxford: Oxford University Press. 2002. 180 p.

MODERNISATION AND REVOLUTION

V.G. FEDOTOVA

Summary

The article deals with the reasons on why the trend of entering the 100th Anniversary of the October Revolution in Russia's scientific and social programs in 2017 has prevailed. The author cites reasonable interpretation of this trend given by the Americans. According to the article, there has been colliding domestic standpoints on many issues of Russia's history and its interpretation,

which most likely results in attempting to fuse heterogeneous developments of Russia's history to present it as an integrity. The researcher proves that such fusion cannot be reached empirically without employing philosophy of the Russian history and regardless of conceptual analysis conducted by outstanding Russian historians. The article considers the concept of accumulating features of westernisation and modernisation of the Russian society, changing circumstances of modernisation, modern nature of modernisation in the age of globalisation. The author has found that both revolutions and counterrevolutions stem from late modernisation.

Keywords: revolution, westernization, modernization, modernity, Great October Revolution, Russian history, philosophy of history, Russian historians, discontinuities and unity of Russian history.

Fedotova, Valentina – D.Sc. in Philosophy, Main Research Fellow of Social Philosophy Department at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Science.

Citation: *FEDOTOVA V.G.* (2017) Revolution and Modernisation. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 4. pp. 35-54.

REFERENCES

Assmann A. (2013) *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Hanser, München (Russian Translation: *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, 2017).

Eisenstadt S.N. (1978) *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. The Free Press, New York; Collier Macmillan Publishers, London. 348 p. (Russian Translation: Moscow, 1999. 416 p.).

Fedotova V.G. (1997) Modernisation of “Another Europe”. Moscow. 255 p. (in Russian.)

Fedotova V.G. (2002) Russia in the Global and in the Internal World. 208 p. (in Russian.)

Fedotova V.G. (ed.) (2002) *Modernization and globalization. Images of Russia in the 21st century*. Institute of Philosophy, Moscow (in Russian).

Fedotova V., Kolpakov V., Fedotova N. (2008) *Global capitalism: Three Great Transformations. Social-philosophical analysis of relations between economy and society*. Moscow. 608 p. (in Russian.).

Fitzpatrick Sh. (2009) *The Russian Revolution*. New York: Oxford University Press. 2009. 358 p.

Fouillée A., Cabanès A., Nass L. (1906) *La Nevrose Revolutionnaire*. Société Française d'Imprimerie et de Librairie, Paris. 540 p. (Russian Translation: Moscow, 1998. 576 p.).

Freyer H. (1931) *Revolution von Rechts*. Diederichs, Jena (Russian Translation: Moscow, 2009. 144 p.)

Goldstone J.A. (2013) *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, Oxford. 168 p. (Russian translation: Institut Gaidara, Moscow, 2015. 189 p.).

- Kagarlitsky B. (2013) *Neoliberalism and Revolution*. Saint Petersburg. 256 p. (in Russian.).
- Karamzin N. (2009) *History of the Russian State*. Moscow. 1170 p. (in Russian.).
- Klyuchevsky V. (2009) *Course of Russian history*. Moscow. 1197 p. (in Russian.).
- Krastev I., Holmes S. 'The Kremlin Is Starting to Worry About Trump'. In: *Foreign Policy*. 2017. Available at: <http://foreignpolicy.com/2017/02/13/the-kremlin-is-starting-to-worry-about-trump/>
- Pantin I. (2015) *Russian revolution. Ideas. Ideology. Politic practice*. Moscow. 296 p. (in Russian.).
- Pigrov K. (2011) *Modernity as Revolution*. Saint Petersburg (in Russian.).
- Platonov S. (2008) *Full lecture course on Russian history*. Moscow. 864 p. (in Russian.).
- Plimak E. (1983) *Revolutionary process and revolutionary consciousness*. Moscow. 240 p. (in Russian.).
- Sorokin P. (1991) *The Long Way: Autobiographical romance*. Syktyvkar. 304 p. (in Russian.).
- Sorokin P. (2008) *Sociology of Revolution*. Moscow. 784 p. (in Russian.).
- Toynbee A.J. (1934-1961) *A Study of History*. Oxford University Press, Oxford (Russian translation: Moscow, 1990. 808 p.).
- Utkin A. (1996) *The challenge of West and Russian response*. Moscow. 392 p. (in Russian.).
- Service R. (2006) *Experiment with a People*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 436 p.
- Smith S.A. (2002) *The Russian Revolution. A Very Short Introduction*. New York; Oxford: Oxford University Press. 180 p.